
О. А. ЕФРЕМОВ

**КОНЦЕПЦИЯ «ОТКРЫТОГО»
И «ЗАКРЫТОГО» ОБЩЕСТВ
ДЖОРДЖА СОРОСА: ПОЛЕТ НАДЕЖДЫ
И ТИСКИ РЕАЛЬНОСТИ**

Термины «открытое» и «закрытое» общества за последние 15–20 лет весьма широко используются в отечественном общественном сознании. Тому есть, по крайней мере, две причины. Первая – активная деятельность созданных финансистом и филантропом Дж. Соросом «Институтов Открытого общества», целью которых как раз является развитие принципов открытого общества как в теоретическом, так и в практическом плане.

Вторая причина носит уже «внутринаучный» характер. После «бегства от марксизма» нашим обществоведам трудно придумать понятие для квалификации общества, к созданию которого надо стремиться России, а также его антипода. Термин «капитализм» для поверхностно марксистского сознания несет неизбежно негативную нагрузку, что затрудняет его использование для обозначения будущего, тем более желательного будущего, поэтому термин «открытое общество» представляется более приемлемым. При этом вопрос о разнице между капитализмом и открытым обществом, как правило, не обсуждается.

Но научный анализ, если он действительно научен, не может просто прикрываться словами. Нет ничего страшного, если исследователь предпочитает пользоваться терминами «открытое» и «закрытое» общество, а не «капитализм» или «социализм». Надо только определить, что реально означают эти термины. Какие системы социальных институтов они описывают? В каких отношениях находятся друг с другом? Элементами какой философско-исторической концепции являются? Наконец, насколько состоятельна такая концепция? Потом можно задаться вопросом о том, каково соотношение между терминами «капитализм» и «открытое» общест-

во и теми фрагментами социальной реальности, которые они описывают. После этого можно решить: могут ли они использоваться в рамках одной парадигмы (например, формационной), не дублируя друг друга и не противореча друг другу.

Впервые термины «открытое» и «закрытое» общества ввел известный французский философ А. Бергсон в книге «Два источника морали и религии», однако подлинную известность концепция «открытого общества» обрела благодаря творчеству К. Поппера – автора знаменитого труда «Открытое общество и его враги», вышедшего в разгар Второй мировой войны и во многом предугадывавшего реалии грядущей войны – холодной. Войны, в которой по разные стороны окажутся вчерашние союзники по борьбе с фашизмом. Внешний академизм рассуждений Поппера не мог скрыть идеологического и политического содержания его концепции, реальные прообразы «открытой» и «закрытой» модели, несмотря на все оговорки, просматривались с очевидностью.

Однако в центре внимания данной статьи будут не взгляды Поппера, а на них основанная, но имеющая значительные отличия концепция Дж. Сороса. Во-первых, потому, что это самый поздний по времени создания, самый современный вариант трактовки открытых и закрытых обществ. Во-вторых, именно Дж. Сорос в наибольшей степени стремится приблизить данную концепцию к реальности, использовать ее и как объяснительную модель для анализа процессов современной истории, и как основу новой идеологии (даже если этот термин у самого Сороса восторга не вызовет).

При этом мы сознательно дистанцируемся от оценки практической деятельности Сороса, а также оставляем за рамками статьи описание жизненного пути этого незаурядного человека, хотя и осознаем, что события, пережитые им, повлияли на становление его концепции.

Отличительной особенностью всех существующих концепций «открытого» и «закрытого» общества является теснейшая взаимосвязь гносеологических и социально-философских взглядов авторов этих концепций. Иррационалистическая позиция А. Бергсона предопределила его понимание «открытого» общества как социального состояния, основанного на интуитивном мистическом порыве. Для жесткого рационалиста Поппера «открытое» общество –

напротив, воплощение рационализма, социальная организация, устроенная по принципу идеального научного сообщества.

Не исключение и концепция Дж. Сороса. Общественное состояние, с его точки зрения, есть воплощение определенного состояния мышления, а при выяснении типа мышления важнейшую роль играет способ познания (получения знания), присущий данному типу мышления. Следовательно, понимание социально-философской концепции Сороса невозможно без анализа его «гносеологии».

Кавычки не случайны. Поппер подходит к социальной проблематике с позиций ученого, человека не только всю жизнь занимавшегося наукой, но и ставящего научные ценности выше всех остальных. Он считает, что наука – это идеал, по образу которого стоит организовывать общество.

Сорос смотрит на мир глазами финансового деятеля. Он полагает, что мир – биржа, а процессы мировой истории – аналог происходящего на фондовом рынке. Вот почему относительно Поппера мы можем говорить о гносеологии и даже эпистемологии (это будет более точно), а относительно Сороса стоит говорить, скорее, об анализе мышления участников биржевой игры.

Сорос – ученик и последователь К. Поппера. Не вызывает сомнения, что его философские, а возможно, и политические взгляды формировались под сильнейшим влиянием классика критического рационализма. Но все же Сорос переосмысливает рационалистическую концепцию своего учителя, порою прямо полемизируя с ним. Сорос отступает от чрезмерной жесткости рационализма Поппера, но при этом не отказывается от рационализма как такового и уж, конечно, не переходит на позиции интуитивизма.

Объектом своей критики Сорос делает две идеи, присущие, по его мнению, концепции Поппера.

Во-первых, Сорос не согласен с идеей Поппера относительно единства научного метода, предполагающей, что как естественнонаучное познание, так и социологическое познание должны осуществляться согласно общей модели (модели D-N)¹.

Во-вторых, Сорос считает, что социальная жизнь не может быть строго рационализирована.

¹ Поппер не отождествлял социальное познание вообще и естественнонаучное познание.

Разберем подробнее аргументы Сороса.

Для Поппера, в интерпретации Сороса, всякое научное познание (и социологическое в том числе) должно соответствовать так называемой дедуктивно-номологической модели (модели D-N). Суть этой модели, согласно Соросу, заключается в следующем: «Модель построена на утверждениях трех типов: конкретные исходные условия, конкретные конечные условия и универсально верные обобщения. Комбинируя некоторый набор обобщений с известными исходными условиями, мы получаем прогнозы; комбинируя этот набор с известными конечными условиями, мы получаем объяснения; сопоставление известных исходных условий с известными конечными условиями дает возможность подвергнуть тестированию соответствующие обобщения»².

В естествознании, соглашается Сорос, дело обстоит именно так, но исследователь социальной реальности должен учитывать, что в каждом акте человеческой деятельности присутствует сознание, а значит, и так называемая «свобода воли». Физическое тело будет вести себя так, как ему предписывает вести себя закон, «свобода воли», скажем, футбольного мяча (даже если предположить, что она у него есть) закон Ньютона интересует мало. Но вот «свободу воли» футболиста, ударившего по мячу, проигнорировать нельзя. Человек может поступить так, а может иначе. Следовательно, произвольное намерение футболиста – существенный фактор реальности, влияющий на исходный результат. Но как определить, что думает футболист, пока он не произвел удара? Невозможность для наблюдателя просчитать намерения действующих людей, по мнению Сороса, делает модель D-N неприменимой в гуманитарном исследовании. «Если процесс мышления включается в эти (начальные. – *О. Е.*) условия, они не поддаются научному наблюдению, поскольку ему поддаются лишь результаты процесса мышления, а не сам процесс»³. Если не включается, то обобщения теряют признак универсальности, так как мышление всякий раз искажает результат, и он будет иным. Следовательно, исследователь – гуманитарий, принципиально неспособный угадать намерения деятелей, – обречен, согласно Соросу, на «несовершенство понимания».

² Сорос, Дж. Алхимия финансов. – М., 1997. – С. 43–44.

³ Там же. – С. 45.

Именно «несовершенство понимания» будет для Сороса не только главным аргументом против возможности научного социального познания, но и краеугольным камнем его социологической и философской позиций.

На основании вышеприведенных аргументов считает, что «понятие “социальная наука” является ложной метафорой»⁴. Социальное знание – разновидность алхимии: «заклиная» ситуацию, получаем результат. Точнее, воздействуя на мышление, можем опосредованно менять в своих интересах ход событий. Сорос различает истинность и эффективность. В естественной реальности (изучаемой естественными науками) они совпадают (эффективно то, что истинно), в социальной – нет. В качестве примера приводит марксизм. Он ложен, но эффективен.

Пример не корректен. Позже Сорос сам различит когнитивную и воздействующую функции человеческого сознания. Их надо различать и здесь. Есть наука, и есть реальность. Наука познает. Для действия в реальности используются идеологии. Есть марксизм – «догма», и есть марксизм – «руководство к действию». Для идеологии, действительно, важнее эффективность, здесь важна не социологическая истинность, а соответствие ценностным предпочтениям масс (но выяснение этих предпочтений опять-таки может стать объектом интереса социальной теории и быть оценено как истина или ложь). Для догмы (теории) важна истинность. Марксизм как социологическая теория, в принципе, фальсифицируем (что бы там Поппер ни говорил). И может быть оценен с точки зрения истины или лжи. Вне подобных оценок стоит только марксизм как идеология.

Вообще попытка Сороса противопоставить социум как реальность и способ познания такой реальности, с одной стороны, природе и естественнонаучному познанию, с другой стороны, весьма сомнительна.

Во-первых, в области социального никаких «последующих» или «предыдущих» событий или хода событий, свободных от «сознательного» элемента, не может быть. Сознание присутствует в любом социальном действии, если оно вообще социально. Но присутствие сознания совсем не означает, что социальная реальность

⁴ Сорос, Дж. Указ. соч. – С. 353.

не знает никаких законов, никаких общих правил. Только эти общие правила – законы самой человеческой деятельности, действующие внутри нее, а не извне. Предпринятое далее Соросом описание модели «подъем-спад», согласно которой объективные условия заставляют участников корректировать свои действия, лишней раз это подтверждает. Данная модель иллюстрирует и способ реализации социальных законов, неизбежно проходящих через сознание людей, в котором объективные потребности превращаются в субъективные мотивы. Сознание, присутствующее в человеческой деятельности, – не отрицание законов, а механизм их реализации (порою, правда, дающий сбой).

Во-вторых, обществоведов интересует не процесс мышления как таковой, а то влияние, которое данный процесс оказал на действия, а значит, на конечный реальный результат и постольку, поскольку он вообще оказал подобное влияние. Вопрос влияния именно такого набора решений также может быть рассмотрен с позиций модели D-N, где данный набор решений будет выступать в качестве одного из начальных условий. Именно в этом одну из задач научной социологии видел М. Вебер: мы можем анализировать ситуацию и предсказывать ее ход с учетом различных предпочтений участников. Действительно, существует трудность определения данного набора решений, пока действие не совершено. И это (верно) ограничивает прогностические возможности теории, но не может служить аргументом против тезиса «единства метода».

Но «несовершенство понимания», как считает «финансовый гуру», отличает не только исследование социальных процессов, но и повседневную деятельность каждого человека. «Несовершенным понимание участников становится вследствие того, что мышление их влияет на саму ситуацию, к которой оно относится»⁵. Ситуация дана участникам не в качестве объективной реальности, независимой от воли участников, ибо состояние этой реальности сопряжено с их решениями (причем с решениями многих людей, намерения которых нам неизвестны), включает его в качестве своего элемента: «невозможно с уверенностью сказать, ожидания ли отвечают

⁵ Сорос, Дж. Указ. соч. – С. 49.

последующему ходу событий, или же *последующие* события подтверждают ожидания»⁶.

Следовательно, и для понимания концепции Сороса это очень важно, «несовершенство понимания» – обязательный элемент любого человеческого действия, а значит, и социальной реальности. «Несовершенство понимания» предопределяет постоянную нестабильность общества, ибо отражение реальности в головах действующих субъектов не может быть адекватным, а результаты их действий не могут быть ими самими просчитаны. В итоге социальный процесс – процесс, по выражению Сороса, рефлексивный: «Восприятия участников по самой своей природе содержат ошибку, и существует двусторонняя связь – связь между ошибочными восприятиями и действительным ходом событий, – результатом которой является отсутствие соответствия между ними. Я называю эту двустороннюю связь **рефлексивностью**»⁷.

«Рефлексивность» – второе важнейшее понятие концепции Сороса. В предшественники идеи рефлексивности Сорос зачисляет диалектику Гегеля и Маркса.

Рефлексивность – по сути, взаимодействие между мышлением участников и ситуацией. Данное взаимодействие разбивается на две функциональные зависимости:

- 1) понимание ситуации – когнитивная или пассивная функция;
- 2) воздействия на ситуацию – активная функция.

При этом надо помнить, что понимание всегда несовершенно, а результаты воздействия в значительной мере непредсказуемы, создают совершенно новую констелляцию обстоятельств. «Намерения никогда не совпадают с результатами: воздействие результатов изменяет намерения и те, в свою очередь, видоизменяют результат»⁸.

Для иллюстрации своих взглядов Сорос использует весьма оригинальный образ «шнурков на ботинках». С одной стороны – реальность, с другой – идеи, их, как шнурки, связывают события⁹.

Порождаемый рефлексивностью процесс изменений, по Соросу, принципиально отличен от природного процесса. Он – непред-

⁶ Сорос, Дж. Указ. соч. – С. 40.

⁷ Там же. – С. 22.

⁸ Сорос, Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. – М., 2001. – С. 145.

⁹ Там же. – Гл. 4.

скажем, конфликтен. Сорос забывает, что процесс развития Вселенной или эволюция жизни (природные процессы, соотносимые с процессом человеческой истории) зависели от огромного количества случайностей.

Опираясь на понятия «несовершенство понимания» и «рефлексивность», Сорос строит свою концепцию истории и типологию обществ.

Прежде всего, Сорос выделяет равновесные (близкие к равновесным) и неравновесные состояния. Равновесные состояния характеризуются относительным соответствием представлений реальности и постоянным стремлением к преодолению ошибок, то есть ликвидации наметившихся расхождений. Неравновесные состояния – это состояния противоречия представлений о реальности, управляющих поведением участников событий, действительному состоянию дел.

Равновесным состояниям соответствует открытое общество как организация, институтам которой присущ постоянный поиск ошибок и стремление к их исправлению, и которой свойственен критический тип мышления.

Неравновесные состояния бывают двух основных типов: статический дисбаланс, характерный для закрытых обществ, и динамический дисбаланс, означающий предельную степень дестабилизации, можно сказать, социальную катастрофу.

Впрочем, Сорос упоминает и еще об одном варианте социального бытия – так называемом «органическом» обществе.

Итак, существует три относительно устойчивых общественных состояния – три типа обществ: органическое общество, открытое общество и закрытое общество, а также переходное состояние – состояние динамического дисбаланса.

Каждый тип общества определяется господствующим в нем способом мышления. Как говорит Сорос, «режим является некоторой ментальной конструкцией»¹⁰.

Традиционный способ мышления лежит в основании традиционного или органического общества, критический способ мышле-

¹⁰ Сорос, Дж. Сорос о Соросе. – М., 1996. – С. 251.

ния – в основании «открытого» общества, а догматический способ мышления – в основании «закрытого» общества.

Основной тезис традиционного мышления – «положение вещей таково, каким оно было всегда, следовательно, оно не может быть иным»¹¹. Нет различия между обществом, мышлением и природой. Такой тип мышления до определенной степени удовлетворителен, обеспечивая существование определенной картины реальности. Но только в условиях статичности и отсутствия конкуренции. Реальность – статична, мышление – статично, нет противоречий и сомнений, даже если мышление и ложно. Если возникает противоречие, его объясняют с помощью ссылки на Богов. Человек ничего не понимает, он верит в неизменность ситуации, считает себя не способным что-либо изменить, и потому он пассивен. Как говорит Дж. Сорос, «традиционный способ мышления не может провести различия между мышлением и реальностью, истиной и ложью, общественными и природными законами... Его основная слабость – это не отсутствие тонких категорий, а тот факт, что содержащаяся в нем конкретная информация хуже той, которая может быть получена при ином подходе»¹². Такой способ мышления разлагается социальными изменениями, конкуренцией с другими моделями мышления (прежде всего, с критической моделью). Будучи неконкурентоспособным, он, однако, обладает некоторой степенью адаптивности, позволяющей ему сохраняться даже в изменившихся условиях, в особенности, если его будут насильственно поддерживать. Но тогда уже порождается разрыв между мышлением и реальностью, и это будет не традиционное, а догматическое мышление.

Общество, возникающее на основании традиционного способа мышления, – органическое общество.

Его основные признаки:

1. Приоритет целого перед частью. «Единство неизменяющегося общества сравнимо с единством организма. Члены подобного общества подобны органам живого организма»¹³.

2. В таком обществе отсутствует частное владение и частная собственность. Отсутствие частной собственности – условие под-

¹¹ Сорос, Дж. Сорос о Соросе. – М., 1996. – С. 277.

¹² Там же. – С. 279.

¹³ Там же. – С. 281.

держания статичности. Инициатива не поощряется, ибо издержки не окупаются, а это не стимулирует риск.

3. Органическое общество не знает права как абстрактного принципа.

4. У человека нет свободы выбора.

Органическое общество, по Соросу, возможно в условиях относительной исторической статичности. Как только темп истории ускоряется, возрастает плотность исторического времени, перед людьми встает проблема – какое общество избрать: «открытое» или «закрытое».

И то, и другое, считает Сорос, возможно и зависит от человеческого выбора. Можно или принять вызов времени и выработать гибкие социальные механизмы реакции на изменение ситуации («открытое» общество), или пытаться насильственно удерживать разрушающиеся органические связи («закрытое» общество).

Критерием различения двух возможных в условиях изменения социальных состояний Сорос делает отношение к факту неизбежного «несовершенства понимания». «Открытое» и «закрытое» общества – «это строго теоретическая концепция, основанная на расхождении между мышлением и реальностью. Существует два способа взаимодействия с подобным расхождением. Открытое общество признает наличие этого расхождения; закрытое общество отрицает его»¹⁴. «Открытое общество основано на признании того, что мы можем ошибаться, закрытое общество – на отрицании этой идеи»¹⁵. Это предопределяет большую устойчивость открытого общества, большую его равновесность. Равновесие или стабильность становится у Сороса одновременно и критерием различения «открытых» и «закрытых» обществ, и аргументом в пользу предпочтительности первого.

Вообще, сам Сорос признает, что есть три аспекта, три значения термина «открытое общество». Во-первых, открытое общество – это состояние, близкое к равновесию. Во-вторых, открытое общество – это идеал, недостижимый в полной мере, но играющий роль «маяка». В-третьих, это цель, к которой следует стремиться, даже если достигнуть ее не удастся.

¹⁴ Сорос, Дж. Сорос о Соросе. – М., 1996. – С. 250.

¹⁵ Там же. – С. 246.

В соответствии с концепцией «несовершенного понимания» реальность и восприятие реальности никогда не совпадают. Наиболее устойчивым будет то общество, в котором наличествуют механизмы постоянного преодоления расхождений между восприятием и реальностью, устранения (хотя и всегда неокончательного) «несовершенства понимания». Иными словами, более стабильным (но ни в коем случае не статичным) будет общество, где лучше всего действуют механизмы отрицательной обратной связи. «Открытое» общество, основанное на критическом мышлении, располагающее такими институтами, как рынок и демократия, в наибольшей степени близко к состоянию равновесия.

Роль главного корректирующего механизма играет критическое мышление, на котором, собственно, и основано «открытое» общество.

Становление подобного способа мышления Дж. Сорос связывает с появлением абстракций. Само появление абстрактного мышления увязывается Соросом с начинающимся процессом изменений, однако остается не совсем понятным, почему вдруг в прежде статичных органических обществах начинается процесс изменения. Может быть, потому, что социальная эволюция имеет место всегда, и на определенном этапе статическое мышление приходит в противоречие с изменившейся и продолжающей изменяться реальностью.

Реальность многоаспектна. Процесс абстрагирования есть акцентирование каких-либо отдельных сторон этой реальности. Следовательно, появляется возможность выбора между различными интерпретациями реальности. Одна интерпретация лучше, вторая – хуже (менее соответствует реальности). Но даже лучшие идеи содержат в себе ошибки в силу необходимого несовершенства нашего понимания. Поэтому процесс смены одних идей другими непрерывен. «Не существует конечного результата, а лишь возможность постепенного приближения к нему. Из этого следует, что выбор вариантов представляет собой непрерывный процесс критической оценки, а не механическое приложение фиксированных правил»¹⁶.

К числу социальных институтов, в первую очередь обеспечивающих нормальное функционирование критического процесса, относятся рынок и демократия.

¹⁶ Сорос, Дж. Сорос о Соросе. – М., 1996. – С. 286.

Показательны рассуждения Сороса о демократии, безусловным сторонником которой он является. Предпочтение Сороса основывается на том, что он считает демократию наилучшей социальной формой осуществления критического процесса. Как пишет Сорос, «каждый свободно выражает свои взгляды, и если процесс критики работает эффективно, доминирующий взгляд может довольно близко подойти к тому, чтобы представлять лучшие интересы участников. В этом и состоит демократический принцип»¹⁷. Иными словами, Сороса можно понять так, что демократия не есть поиск наилучшего решения, а поиск наиболее взаимоприемлемого решения. Остается, правда, открытым вопрос об отношении взаимоприемлемости и адекватности решения.

Трактовка демократии у Сороса менее «научообразна», чем у Поппера. Большая взаимоприемлемость не означает большей адекватности. Но в то же время Сорос заявляет, что демократия лучше, чем другие политические формы, обеспечивает благосостояние общества, высокие темпы его развития и т. д. Именно это, по его мнению, делает демократию привлекательной в глазах людей. Демократия способствует экономическому прогрессу.

Согласно Соросу, успех демократии предполагает существование двух условий.

Во-первых, «критерий, с помощью которого могут оцениваться конфликтующие идеи»¹⁸. В качестве такового выступают конституционные правила (большинство голосов).

Во-вторых, «общее желание подчиняться этому критерию» – вера в демократию. «Люди должны верить в демократию как в идею; они должны считать принятие решений конституционными способами более важным фактом, чем победу собственных взглядов»¹⁹.

И первый, и второй критерии указывают на сходство демократии и науки. Конкуренция научных идей осуществляется относительно единого критерия – истины. Наука тоже зависит от конвенции – конвенции объективности. Важно помнить, однако, что это сходство, по Соросу, может быть только внешним, ибо для него,

¹⁷ Сорос, Дж. Сорос о Соросе. – М., 1996. – С. 290.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

в отличие от Поппера, наука и социальная практика – принципиально разные области деятельности.

В основе «открытого» общества у Сороса не только демократия, но и рынок. Основное достоинство рынка, как, впрочем, и демократии, видится Соросом в его коррекционных возможностях. «Рыночный механизм лучше иных форм только потому, что он предоставляет обратную связь и дает возможность исправлять ошибки. Это похоже на то, что Черчилль сказал о демократии: “Это наихудшая система, но она лучше всех остальных”»²⁰.

Сорос противопоставляет иллюзорной концепции современного капиталистического рынка собственную, более реалистичную, на его взгляд, концепцию.

Рынок, характеризующийся несовершенным знанием и эффективной конкуренцией, – нестабильный рынок, а нестабильный рынок нуждается в регулировании. Сорос, как и Поппер, выступал сторонником интервенционизма, или государственного регулирования экономики.

Но государственное вмешательство не должно заходить слишком далеко, посягая на свободу людей, важнейшими механизмами защиты которых являются демократия, рынок и конкуренция.

При этом вопреки многим апостолам либерализма Сорос отнюдь не считает, что рынок непосредственно приводит к демократии. «Связь между капитализмом и демократией мне представляется крайне слабой. Более того, капитализм не нуждается в демократических институтах для исправления присущих ему недостатков»²¹.

По словам Сороса, «эффективная конкуренция не приводит к равновесию, но она максимизирует свободу индивидов, сокращая их зависимость от существующих взаимоотношений»²². Свобода – это величайшее преимущество открытого общества. Свобода здесь понимается абсолютно «приземленно». Это не идеал, а нормальное состояние человека в условиях эффективной конкуренции. Это – «доступность возможностей», имеющая в себе и ряд неприятных аспектов. Свобода – это не только отсутствие ограничений, но и возможность людей действовать по собственному усмотрению.

²⁰ Сорос, Дж. Сорос о Соросе. – М., 1996. – С. 248.

²¹ Сорос, Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. – М., 2001. – С. 245.

²² Сорос, Дж. Сорос о Соросе. – С. 296.

Стоит привести еще одно определение свободы, принадлежащее Соросу: «Свобода зависит от способности людей отказаться от существующего положения»²³. Интересно, что свободой в «открытом» обществе обладают не только люди, но и все средства производства.

Свобода средств производства – частная собственность. «Свобода, как она определена здесь, распространяется не только на людей, но и на все средства производства. Земля и капитал также могут быть свободны в том смысле, что они не привязаны к конкретному использованию, но на них распространяются некоторые постепенно расширяющиеся возможности. Это основное требование института частной собственности»²⁴. Собственность сопряжена с обязанностями. Для Сороса свобода есть само состояние частной собственности, а не только определенное состояние человека, возникающее на основании владения им частной собственностью. Создается впечатление, что Сорос не до конца прослеживает связь частной собственности с человеческой свободой, как это делают, например, Хайек или Фридман.

Но вместе с тем Сорос подчеркивает, что основной характеристикой открытого общества является его открытость для действий индивидов, то есть свобода отдельных людей менять социальные связи и отношения по своему усмотрению.

Сорос вовсе не идеализирует «открытое» общество. Основные проблемы и недостатки этого типа социальной организации являются, как это часто бывает, обратной стороной его достоинств. То, что Поппер называл «напряженностью цивилизации», разнообразно и многоаспектно. Слабость «открытого» общества порождается сбоями в работе основных его институтов, а также этими институтами самими по себе. Примером первого случая может быть экономический кризис, дестабилизация рынка, описанная Соросом в виде модели «подъем-спад». Примером второго – частная собственность, отсутствие уравнительного распределения, чреватые социальными конфликтами. Вопреки «ястребам буржуазной пропаганды», Сорос прямо заявляет: «Открытое общество не обеспечи-

²³ Сорос, Дж. Сорос о Соросе. – М., 1996. – С. 297.

²⁴ Там же.

вает всем равных возможностей»²⁵. Ему знакомо и неравенство, и классовое расслоение, до известной степени, правда, компенсируемое высоким уровнем социальной мобильности.

Но основным недостатком «открытого» общества, лежащим в основании всех остальных проблем, Сорос считает его ценностное несовершенство. Выше, рассуждая о рынке и демократии, мы отмечали, сколь высокую роль Сорос отводил ценностным основаниям этих институтов. Говоря о демократии, например, Сорос отмечает, что она требует веры в себя. А разъяняя достоинства рынка, отмечает, что и он требует признания определенных надличностных императивов. Как говорит сам Сорос, «я верю в свободные рынки и демократию. Но в одном я все же расхожусь с приверженцами политики свободной конкуренции: не достаточно следовать эгоистическим интересам. Необходимо ставить общие интересы свободных рынков, демократии, открытого общества выше эгоистических интересов. Иначе система не выживет»²⁶. Сорос отмечает, что сегодня главный враг открытого общества – даже не общество закрытое, а «рыночный фундаментализм» – вера в магию рынка, и «рыночный» подход ко всем сферам общественной деятельности.

Сорос ставит вопрос о моральной оправданности «открытого» общества, о приемлемом обосновании ценностного выбора, выбора свободного, а не по принуждению. С сожалением констатирует Сорос, что отсутствие такого оправдания – слабое место «открытого» общества. Именно это в значительной степени порождает серьезные психологические и моральные проблемы, свойственные открытому обществу. Предоставленность человека самому себе предопределяет необходимость самостоятельно делать выбор и нести всю полноту ответственности за него – тяжелейшая ноша, которая в условиях моральной неуверенности оказывается не каждому по плечу. Сложнее всего самому определить цель и смысл своего существования, ибо само по себе «открытое» общество не ставит перед человеком целей. Но «единственный способ избавиться от отсутствия целей состоит в отказе от открытого общества. Если сво-

²⁵ Сорос, Дж. Сорос о Соросе. – М., 1996. – С. 300.

²⁶ Там же. – С. 248.

бода становится невыносимой ношей, то спасением может показаться закрытое общество»²⁷.

И здесь мы сталкиваемся с одним из важнейших различий, отмечаемых Соросом, между капитализмом, существующим в реальности, и открытым обществом как идеалом.

Вопрос о соотношении понятий «капитализм» и «открытое общество» в понимании Сороса не так прост. Сопоставление понятий «социализм» и «закрытое общество», по крайней мере, если речь идет о реальном социализме, особых сомнений не вызывает. С капитализмом дело обстоит сложнее. С одной стороны, очевидно, что ценности и институты открытого общества в понимании Сороса – типичные институты капитализма. С другой стороны, хотелось бы сохранить относительную непорочность открытого общества, защитив его, во-первых, от негативной нагрузки, которую несет на себе термин «капитализм» в традиции социальной мысли, а во-вторых, избавив от ответственности за реальные недостатки современного капитализма. Отсюда и неясность, противоречивость позиции «финансового гуру». Сорос обрушивается на «рыночный фундаментализм», который считает одной из главных угроз открытому обществу, а ведь рынок – основа капитализма! Он сам утверждает: «Важнейшей составляющей открытого общества, **наряду с рыночной экономикой** (выделено мною. – *О. Е.*), является представительная демократия»²⁸. А рыночный фундаментализм – не диаметрально противоположность открытому обществу, а всего лишь его искажение²⁹. В чем же заключается это «искажение»? По словам Сороса, «к западным демократиям этот термин (открытое общество. – *О. Е.*) можно отнести по большинству признаков, за исключением одного: они не признают открытое общество целью, к которой следует стремиться»³⁰. Главное отличие капитализма от открытого общества – ценностное. Идеалы открытого общества там не признаны на государственном (и межгосударственном) уровне в качестве таковых. Эгоистическая корысть, по мнению Со-

²⁷ Сорос, Дж. Сорос о Соросе. – М., 1996. – С. 304.

²⁸ См.: Сорос, Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. – М., 2001. – С. 26.

²⁹ Там же. – С. 171.

³⁰ Там же. – С. 174.

роса, управляющая рынком, не может управлять обществом в целом. Но и отказываться от нее нельзя, если речь идет об экономике. И так, в понимании Сороса, вероятно, приоритеты прибыли могут действовать на уровне экономики (правда, и здесь сдерживаемые регулирующей ролью государства), но в политике и духовной сфере должны преобладать общие интересы. Но как этого достичь? Видимо, речь идет о капитализме с элементами государственного и надгосударственного регулирования. Последнее связано с фундаментальным процессом глобализации.

Недаром современное состояние капитализма Сорос характеризует как «глобальную капиталистическую систему», которую еще называет «абстрактной империей». И, по словам Сороса, подобная «глобальная капиталистическая система, которая господствует в современном мире, представляет собой искаженную форму открытого общества»³¹.

Сложилась такая система давно, но современный, противоречивый этап ее существования начинается в 80-х гг. XX в., когда возобладали принципы «рыночного фундаментализма».

Основными недостатками данной системы он считает следующее:

1. «Развитие глобальной экономики не сопровождается развитием глобального общества»³². Сложилось единое экономическое пространство, представляющее собой управляемую корыстными интересами рыночную анархию, но в политике господствуют «суверенные государства», у каждого из которых свои (тоже эгоистические) интересы, противоречащие как друг другу, так и интересам глобального экономического сообщества. Всевластие государства – не желательная антитеза рынку, а источник новых опасностей, поэтому контроль за рыночной стихией должны осуществлять некоторые надгосударственные институты, находящиеся под гражданским контролем.

2. Отсутствие фундаментальных ценностей, признаваемых всеми. Таковыми ценностями, вероятно, должны стать ценности открытого общества.

3. Диспропорция центра и периферии.

³¹ Сорос, Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. – М., 2001. – С. 229.

³² Там же. – С. 230.

Все это служит основаниями для кризисов, в том числе и кризиса 1997–2000 гг., вызвавшего у Сороса весьма серьезные опасения за судьбу капитализма³³. Но мрачные прогнозы не оправдались, и позже Сорос напишет: «Кризис 1997–2000 гг. – это всего лишь краткая остановка на триумфальном пути капитализма»³⁴.

Путь «исправления капитализма» Сорос видит в образовании «альянса с целью создания глобального открытого общества». Альянс должен, во-первых, способствовать развитию открытого общества, во-вторых, формировать правила и институты, которые регулировали взаимоотношения государств и граждан и государств между собой. При этом формирование и деятельность подобного альянса представлялись Соросу в качестве некоторого свободного творческого поиска людей, вовлеченных в этот процесс (и, можно добавить, увлеченных им). «Открытое общество не может быть выведено из неких базовых принципов: оно должно создаваться людьми, которые в нем живут»³⁵.

Как говорилось выше, высоко оценивая открытое общество как общество, которое существует в состоянии «близком к равновесию», Сорос отличает его от неравновесных состояний, существующих в двух вариантах: статического и динамического дисбалансов.

Статический дисбаланс имеет место тогда, когда восприятия и реальность жестко фиксированы: восприятия – в виде догмы, реальность – путем искусственной консервации. Но никакое насилие не может преодолеть необходимость перемен, и рано или поздно расхождение принимает фатальный характер. Такова ситуация в «закрытых» обществах.

Усиливающееся расхождение между восприятием и реальностью, достигая некой критической точки, переводит систему в состояние динамического дисбаланса, чреватую ее распадом.

Динамический дисбаланс – время господства положительной обратной связи, происходит самоусиление процесса распада. Восприятие иногда «ловит» реальность, но в условиях отсутствия или

³³ Описанию кризиса и соображениям Сороса по поводу произошедшего посвящена его книга «Кризис мирового капитализма».

³⁴ Сорос, Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. – М., 2001. – С. 274.

³⁵ Там же. – С. 397.

паралича корректирующих механизмов, «усаживаясь» на доминирующую тенденцию, усугубляет дестабилизацию. Динамический дисбаланс проанализирован Соросом на примере финансовых рынков в виде модели «подъем-спад», представляющей собой состояние, характеризующееся максимальным расхождением между действительностью и нашими представлениями о ней. Подобную модель Сорос разработал при анализе процессов, возникающих в момент дестабилизации рынка, но затем распространил ее на ход человеческой истории вообще.

В описании Сороса модель «подъем-спад» характерна для фондового рынка периода нестабильности, когда первоначально цены акций растут, вызывая рост их продаж, что, в свою очередь, повышает цены. Затем достигается своеобразная «переломная точка», начиная с которой процесс приобретает обратную направленность, и падающие цены «подстегивают» продажу акций, избавление от них, что опускает цены ниже разумного предела.

Сорос решил, что именно таким путем осуществляется не только процесс рыночной паники, но и человеческая история вообще. Человечество постоянно делает ошибки и, пытаясь их исправить, совершает новые ошибки. Как признался сам Сорос, «смысл жизни состоит из ошибок в наших концепциях и из того, что мы предпринимаем по отношению к ним. Жизнь можно рассматривать как плодотворное заблуждение»³⁶. История есть череда ошибок. Это социально-философская абсолютизация попперовского гносеологического фальсификационизма.

Но такая история была бы сплошной катастрофой, вообще непонятно, как человечество могло прожить вот уже почти 40 тысяч лет, если бы Сорос был прав.

Сам Сорос позже скорректировал свою точку зрения, признав, что даже рынок находится, в основном, в равновесном состоянии, не говоря уж о человеческой истории вообще. Модель «подъем-спад», по признанию Сороса, применима лишь к описанию кризисных состояний. Однако в философии истории Дж. Сороса подобная модель будет играть весьма существенную роль.

³⁶ Сорос, Дж. Алхимия финансов. – М., 1997. – С. 412.

Но по такой же схеме происходит любое серьезное социальное потрясение, например революция. «Закрытое» общество имеет гораздо больше шансов попасть в ситуацию полного динамического дисбаланса, чем «открытое», но и «открытое» общество от этого не застраховано. Однако у него есть амортизирующие институты, обеспечивающие возможности коррекции, позволяющие избежать динамического дисбаланса или минимизировать издержки, причиной которых он является.

Главной слабостью концепции Сороса является, вероятно, противоречие между практическим реализмом и наивным идеализмом. Практический реализм проявляется в том, что будущее человечества Сорос связывает с капиталистическим обществом, неизбежно предполагающим все свойственные капитализму институты. Наивный идеализм – в том, что Сорос пытается «вычеркнуть» из капитализма все отрицательное и дополнить его «положительным» из области желаемого, а не действительного. Однако так не бывает. Если вы признаете капитализм, то придется признать все присущие ему недостатки, носящие не случайный, но существенный характер. Сорос осуждает эгоизм и корысть, управляющие рынком, защиту собственных интересов в политике, вплоть до применения силы, но ведь это отвечает сущности капиталистического общества (как и практически всех ныне существующих обществ) – откуда возьмутся альтруизм и миролюбие, характеризующие открытое общество? Последнее – вера, а не научный вывод; заклинание, а не результат аргументации. Отсюда и противоречия.

Возьмем, например, решение вопроса о допустимости насилия для создания и защиты глобального открытого общества, прекрасно демонстрирующее столкновение наивного идеализма и практического реализма, в равной мере присущих концепции Сороса. С одной стороны – декларации о недопустимости насилия («задача создания открытых обществ может решаться каким угодно путем, но только не военным»³⁷), осуждение США за проводимые ими военные операции, с другой – «...если меры по предотвращению кризиса не приведут к успеху, то военное вмешательство становится неизбежным»³⁸.

³⁷ Сорос, Дж. Алхимия финансов. – М., 1997. – С. 432.

³⁸ Там же. – С. 410.

Возможно, это связано с одной из главных установок Сороса, заимствованных им у Поппера, – убежденности в том, что история – результат человеческого выбора. Создается впечатление, что социальная реальность – сфера произвольного рационального конструирования, где единственная детерминанта – человеческие предпочтения. То или иное состояние общества – следствие выбора: что решили, то и получили. Хорошее решение (добрые намерения) – условие совершенного общества. Но так не бывает. Социальная реальность – не сфера произвола. Добрые намерения в ней – зачастую «мостовая» дороги в ад. А любой выбор (границы которого всегда ограничены) несет с собой не только плюсы, но и неизбежные минусы – две стороны одной медали.

В этом плане не лишне будет вновь вернуться к сопоставлению понятий «открытое общество» и «капитализм», но рассматривая последний уже не столько в трактовке Сороса, сколько в контексте формационной теории, для которой термин «капитализм» («буржуазное общество») – один из важнейших.

Если мы сопоставляем капитализм и «открытое» общество (в качестве реально существующего, а не желаемого) как модели социальной организации, то, действительно, существенной разницы не видно. Иначе обстоит дело, если мы попытаемся рассмотреть и то, и другое в философско-исторической перспективе, с точки зрения места и роли этих социальных систем в общей концепции философии истории. Капитализм в формационной теории – закономерная стадия развития человеческого общества. Стадия – необходимая, в том смысле, что ее становление – не человеческий производ, а объективный процесс, хоть и осуществляющийся благодаря сознательной человеческой деятельности, но не являющийся результатом осуществления абсолютной «свободы воли». При рассмотрении «открытого» общества его теоретики делают упор на то, что это не закономерное состояние, история вообще не знает закономерности, отличной от реализации человеческих предпочтений. «Открытое» общество, как и «закрытое», – результат свободного человеческого выбора. «Открытое» общество не обязательно должно заменить собой «закрытое», а «закрытое» общество – не обязательно, хотя и возможно, результат разложения «открытого».

На наш взгляд, формационная теория здесь более эффективна. Разрабатываемые в ее рамках представления о социальности вообще и капитализме как социологическом «портрете» Современности дают объективную основу нашим рассуждениям. Конечно, для обоснования выбора формационной теории, да и философии вообще, недостаточно. Нужно обратиться к экономической теории, политологии, конкретной социологии и т. д. Причем ученые, занимавшиеся исследованиями в этих областях, могли никогда ничего не слышать о формационной теории, но данные их исследований позволят нам наполнить содержанием философскую схему, а возможно, и скорректировать ее.

Только тогда, когда у нас будет достаточно информации, чтобы произвести сравнительный анализ эффективности различных социальных институтов (свойственных «открытому» и «закрытому» обществу), определить необходимые связи между этими институтами, мы можем делать выбор в пользу того или иного социального устройства.

Теория «открытых» и «закрытых» обществ – это вопрос, поставленный человеком одной из стадий капиталистической эпохи, оказавшегося перед выбором. Выбором, который ему предстоит сделать самому и за который ему нести ответственность, на себе испытывая последствия ошибки.